

— Ты обычно дома... спишь в таком месте?

Вэнь Чжао хотел было сказать что-то вроде: «Ты спишь здесь? Какая нищета, ха-ха», но, открыв рот, не смог выдать из себя ни слова.

Лу Хуайюй издал звук, похожий на полное отвращение к себе:

— Ага.

Если бы Вэнь Чжао в реальной жизни узнал о его жилищных условиях, то, наверное, уже зажимал бы рот рукой, смеясь над ним.

Вэнь Чжао хотел ещё что-то сказать, но за дверью внезапно раздался чей-то женский крик:

— Лу Хуайюй, а ну выкатился сюда!

Голос был пронзительным и злым, с оттенком ярости. От её слов хлипкая дверь заходила ходуном, со старого дерева посыпалась труха, казалось, она вот-вот развалится.

Лу Хуайюй положил руку на дверную ручку и, обернувшись, сказал:

— Оставайся в комнате и не выходи.

— Хорошо, — послушно кивнул Вэнь Чжао, явно напуганный этой сценой.

Однако звукоизоляция была настолько плохой, что Вэнь Чжао отчётливо слышал всю ругань женщины за дверью. «Безотцовщина, никчёмный», «кормлю-пою тебя», «вечно ходишь с похоронным лицом, кому ты нужен» — всё это смешивалось со звонкими звуками пощёчин. Вэнь Чжао не слышал голоса Лу Хуайюя, словно это был исключительно монолог женщины.

Затем оглушительный звон разбитого стекла оборвал эту сцену. Женщина за дверью тоже перестала кричать и, хлопнув дверью, ушла.

Вэнь Чжао согнулся у двери, прислушиваясь, а потом спросил:

— Сяо Цзю, этот человек... всё ещё там?

Сяо Цзю: «Не волнуйся, хозяин, она уже ушла!»

Только тогда Вэнь Чжао осмелился повернуть ручку и на цыпочках вышел в гостиную. Лу

Хуайюй стоял, понурив голову, чёлка скрывала его лицо, не давая понять, что он чувствовал. Вокруг на полу были рассыпаны осколки стекла, холодно поблёскивая.

— Лу Хуайюй... — позвал Вэнь Чжао и тут же расширил глаза от ужаса: капли крови стекали по руке Лу Хуайюя и падали на пол, расцветая цветами ночного кошмара. — Ты поранился.

— Ничего страшного. Во сне Лу Хуайюй тоже не чувствовал боли.

Стиснув зубы, Вэнь Чжао потратил оставшиеся монеты и обменял их на флакон йода и бинт.

В голове у Вэнь Чжао Сяо Цзю разразился пронзительным воплем: «Хозяин! О, мой гага! (Прим.: искажённое "Oh my god" — "О боже мой") Что ты делаешь? А как же наш злодейский образ?!»

Вэнь Чжао мысленно ответил: «Сяо Цзю... всё в порядке, Лу Хуайюй ведь подумает, что это просто сон».

Сяо Цзю взглянул на информационную панель Вэнь Чжао, и действительно, баллы за образ не были сняты.

Значит, так можно? Ладно, пока это не мешает выполнению задания, пусть его маленький хозяин делает, что хочет.

— Сначала промой рану, а потом обрабатываем, — скомандовал Вэнь Чжао.

Лу Хуайюй поднял голову и увидел, как в руках Вэнь Чжао, словно по волшебству, появились йод и бинт.

Что это? Жалость? Но ноги Лу Хуайюя, словно не слушаясь, сами понесли его в ванную. Очнулся он уже тогда, когда открыл кран и промывал рану.

Он стоял холодный и безучастный, молча наблюдая, как Вэнь Чжао наносит лекарство и перевязывает бинтом. От прикосновений кожи к коже по телу разливался бесконечный зуд.

— Готово. Не слишком туго?

Вэнь Чжао поднял голову, и Лу Хуайюй ясно увидел его изысканное лицо. Ресницы были невероятно длинными, как загнутые кончики крыльев бабочки. В глазах, казалось, мерцала фиолетовая дымка, в которую так легко было провалиться.

Затем взгляд Лу Хуайюя упал на красивые губы Вэнь Чжао, нежные, словно только что

распустившиеся лепестки цветка. Интересно, если поцеловать их, можно ли будет выдавить терпкий цветочный сок?

Лу Хуайюю вдруг показалось, что это вовсе не жалость. Это было самое настоящее искушение. От этой мысли настроение его стало ещё более мрачным.

Хорошо, что Вэнь Чжао был бетой, иначе он бы сейчас наверняка почувствовал запах феромонов, заполнивших всю комнату, — густой мате, горький до удушья.

Заметив, что Лу Хуайюю не в духе, Вэнь Чжао не придал этому большого значения, решив, что тот просто расстроен после выволочки. Он побежал в комнату Лу Хуайюю, снял туфли и решил попробовать его картонную лежанку.

Не ожидал, что лежать на ней окажется так холодно и жёстко.

— Как жёстко! — пожаловался он, приподнимаясь.

Лу Хуайюю, услышав это, сглотнул и с лёгкой усмешкой сказал:

— Ты что, принцесса на горошине?

Вэнь Чжао сердито посмотрел на него, а в душе Лу Хуайюю, наоборот, зародилось какое-то тайное удовлетворение.

Вэнь Чжао заметил красные следы на лице Лу Хуайюю и сказал:

— Эй, Лу Хуайюю, этот человек сейчас так оскорблял тебя, да ещё и бил. Почему ты совсем не сопротивлялся?

Вэнь Чжао думал, что Лу Хуайюю, как обычно, промолчит, но тот сел рядом с ним и неожиданно пустился в объяснения:

— Она моя приёмная мать. Как бы там ни было, она меня вырастила, так что... я не могу.

Да, он не мог. Его приёмной матери когда-то поставили диагноз «бесплодие», поэтому она его усыновила. Но когда он уже думал, что жизнь налаживается, она забеременела и родила другого ребёнка. С того дня он стал в этом доме лишним.

Ему приходилось доедать объедки, спать на картонке, терпеть побои приёмных родителей. Часто он не доедал, а тело было в синяках. Но он понимал, что не может сопротивляться, иначе потеряет даже эту единственную возможность выжить. Он мог только смириться со всем

этим.

Он усердно учился, поступил в университет и наконец вырвался из этого дома, улетев далеко-далеко.

Поэтому в школе он и позволял Вэнь Чжао собой командовать. Он боялся проблем, и многое можно было просто перетерпеть.

Тем более, иногда, когда Вэнь Чжао бывал в настроении, он даже «одаривал» его немного деньгами. А деньги ему были нужны.

Но всё равно ему часто снился этот дом. И развитие событий во снах было похоже на сегодняшнее — всего лишь маленький слепок из множества невыносимых дней его прошлого. Только сегодня к этому добавился ещё и сон о Вэнь Чжао.

Но ничего из этого он не рассказал Вэнь Чжао.

Вэнь Чжао коротко хмыкнул и сказал:

— Но, Лу Хуайюй, это ведь твой сон. Ты можешь делать всё, что захочешь.

Так что... немного сопротивляться — тоже можно.

Лу Хуайюй опустил глаза и тут же наткнулся взглядом на губы Вэнь Чжао. На вид они были так соблазнительны...

Если это его сон, значит, он может делать всё, что угодно? Тогда поцеловать Вэнь Чжао — тоже ничего страшного, верно?

Вэнь Чжао сразу заметил, что взгляд Лу Хуайюя изменился, но в чём именно, понять не мог.

— Ты... — начал было он, собираясь спросить, почему Лу Хуайюй так на него смотрит, но не успел — Лу Хуайюй наклонился и поцеловал его.

— М-м-м...

Вэнь Чжао почти задыхался, на глазах выступили слёзы. Лицо, сводящее с ума, — одного взгляда на него было достаточно, чтобы Лу Хуайюй пропал.

Лу Хуайюй услышал, как в его голове зазвучали зловещие фанфары, подстёгивая почти инстинктивное желание — пометить его. А Вэнь Чжао всё ещё растерянно хватал ртом воздух,

словно прекрасный цветок, распустившийся в этом убогом жилище.

<http://bllate.org/book/17308/1619343>